

частного, единичного и общего, выбор героя, характер изображаемой действительности, идеал, позиция автора, объективное содержание произведения и замысел его создателя, пути психологизации прозы, специфические черты философского романа и т. д. Самоочевидна общезстетическая значимость данной полемики, представляющей интерес и в наши дни.

Г. З. Елиссев, продолжая полемику с Достоевским, печатую им во втором номере «Современника» за 1866 г., будет подразумевать указанную публикацию «Голоса» и выражать свое несогласие с нею по причине того, что она, мол, уведет читателя от главного в понимании романа «Преступление и наказание». «Даже чисто с художественной точки зрения сюжет нового романа г. Достоевского не может быть оправдан никакими целями, — настаивал критик. — Слыхано ли в летописях искусства, чтобы когда-нибудь какой-нибудь художник или поэт чистое, голое убийство, убийство *an sich und für sich* — выбирал темою для своего изображения?» Для Г. З. Елиссева «Преступление и наказание» — это «чистая нелепость» и «сдва ли не едиповенный пример... свирепого баловства искусством».⁸

Выявление затерявшихся в периодике первых критических суждений о «Преступлении и наказании», развернутых и кратких, самоцельных и полутных, позволит воссоздать более полную картину восприятия этой книги современниками писателя, обнаружить в романе какие-то пропускаемые ныне слои его богатого идейного содержания, наметить новые аспекты в изучении произведения и оживить, ввести в научный оборот то, что образует пассивный запас литературоведческого знания (отклики, напечатанные в газете «Голос», в данном отношении весьма показательны). Разумеется, все сказанное сейчас в равной мере приложимо и к другим сочинениям великого русского реалиста.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

ОБ ОДНОЙ ГЛАВЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ВЫПУСКА «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1881 Г.

Достоевский закончил работу над январским выпуском «Дневника писателя» за 1881 г. 25 января и в этот же день сам отвез в типографию «последний листок <...>, прося завтра же прислать корректуру».¹ Тогда же, в беседе с А. Н. Майковым, он уже говорил «об февральском „Дневнике“ что хочет писать»;² на следую-

⁸ [Елиссев Г. З.] Журналистика. Февраль, 1866. — Современник, 1866, № 3, отд. II, с. 39, 40.

¹ Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935, с. 319.

² Записная тетрадь А. Г. Достоевской 1880—1881 гг. — ИРЛИ, ф. А. Г. Достоевской, № 30773, л. 86.

щий день, 26 января, он рассказывал своему молодому знакомому, студенту Духовной академии Ф. П. Орнатскому, содержание задуманного выпуска («Февральский выпуск Философу, и о том, как они провалили классицизм»);³ а в день смерти, 28 января, он, как обычно, диктовал жене. «Диктовал „Дневник“». Вычеркнул, что найдешь возможным», — записала А. Г. Достоевская на с. 93 тетради. И здесь же, на свободной странице, содержится расшифрованный ею отрывок для февральского выпуска «Дневника писателя». Возможно, что именно его и продиктовал писатель в день смерти. Вот этот текст:

«Корабль не круглый, не продолговатый, а четырехугольный, такой, чтоб ни за что плавать не мог. Дно должно быть непременно вогнутое. Машину устроить такую, чтоб отопление стоило не менее 100 тыс. в месяц. Чтоб на этот корабль пошло как можно более бронзы, малахиту. Пустить в море для доказательства Европе нашего миролюбия. Но чтоб возить этот корабль, устроить по берегам железную дорогу и чтоб 9 паровозов возили его, а на время войны причалить к берегу. Этот корабль предназначался для посольств и кокоток высшего полета.

Боялся, что не пропустят».

Как известно, к середине января у писателя вполне определился ряд тем, которые должны были составить февральский выпуск «Дневника».⁴ Одна из глав, как явствует из материалов его последней записной тетради, должна была носить гротескно-сатирический характер и иметь заглавие «Проект мечтателя, сумбуриста».⁵ Суть этого «проекта» состояла в создании пышного судна для развлечений (по типу императорской яхты «Ливадия»), способного ввести в заблуждение Европу. Последняя предчувствует «будущую, самостоятельную русскую» идею, которая хот

³ Там же, с. 93. — Приведенная цитата позволяет раскрыть имя того посетителя, которого А. Г. Достоевская не назвала в своих позднейших «Воспоминаниях» («Часа в три пришел к нам один господин, очень добрый и который был симпатичен мужу, но обладавший недостатком — всегда страшно спорить. Заговорил о статье в будущем „Дневнике“ <...> и между ними разгорелся горячий спор» — Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 372), возможно, по его просьбе (она поддерживала знакомство с ним и после смерти мужа — см. их переписку — ГБЛ). Непонятно, по какой причине Л. П. Гроссман, публиковавший в названной выше книге «Жизнь и труды...» отрывки из этой записной тетради, «не заметил» приведенной нами записи, а использовал вместо нее цитату «Воспоминаний», сопроводив ее без всяких оснований категорическим примечанием: «Рассказ этот не может считаться достоверным и является официальной версией предсмертного заболевания Достоевского» (с. 319). Не справедливее ли было бы, полагаясь на такой документ, как стенографически точная тетрадь, не предназначавшаяся для чужих глаз, отметить, что А. Г. Достоевская, не желая никого выставить печальным виновником смерти мужа, не назвала ни Ф. П. Орнатского, ни В. М. Иванову («Вечером Верочка и Павел Александрович», — читаем на с. 92 тетради за тот же январь, 26 января).

⁴ См. об этом в комментариях В. А. Туниманова к записной тетради Достоевского 1880—1881 гг. (27, 322—353).

⁵ Там же, с. 79.

у нас еще не родилась, а только чревата ею земля ужасно и в страшных муках готовится родить ее»,⁶ и боится этой идеи. Высмеиваемый Достоевским «проектиер-сумбурист» уверяет, что предлагаемое им увеселительное судно поможет Европе поверить «певинным» целям России, тому, что Россия «ищет лишь одной веселости», что она «существует для Европы» «и для увеселения ее». Из многочисленных набросков записной тетради, относящихся к «Проекту», вырисовывается этот опереточный корабль. Публика на нем — «посланники», «молодые члены посольств, умеющие танцевать», «кокетливые дамы», «кокетливые дамы (но с достоинствами, напри~~м~~ер», любящие искусство или политику)», «леди». Одна из них — «леди», воротившаяся с судна, «приставая к мужу», невольно может, по мнению автора, «способствовать игре Восточного вопроса в нашу пользу»; на корабле можно будет «катать Гамбетту как союзника», «катать иезуитов и высших католиков», катать «невиц», «Патти», «астрономов, академиков, отдыхающих от трудов своих» и т. д. и т. д. Приключения на море — «пападение корсаров, холостыми зарядами, борт, визг, крик, и вдруг турки оказываются молодыми кавалерами с цветами, новостями, силетнями». Наконец — «соловьиные языки, сигары в 130 р. сотня от Фейко», «морской воздух, ищеварение», «обнаженные груди, слезы раскаяния» и т. д. и т. д.

Наброски к этому «Проекту» составляют большую часть записей тетради (если не считать тех, что относятся к январскому выпуску «Дневника»). Последняя запись к «Проекту» («Да как же это: корабли по железной дороге? Да ведь это смешно.

— Что смешно? Тот же пар. По морю яко посуху.»),⁷ на первый взгляд не совсем понятная, становится ясной из текста, записанного А. Г. Достоевской: в окончательном «проекте» «взять этот корабль» будут «9 паровозов» по устроенной по берегам железной дороге.

Т. И. ОРНАТСКАЯ

ДОСТОЕВСКИЙ И РАССКАЗЫ А. В. КОРВИН-КРУКОВСКОЙ (ЖАКЛАР)

1. Отклик Достоевского на рассказ А. В. Корвин-Круковской «Соц»

В набросках «Записки журналиста»¹ содержится следующий отклик Достоевского на, очевидно, только что прочитанное сочинение: «Да чего ж он не сунулся-то к ней (к Лилиньке). Ведь он бы жил. Да что в том, что он бы жил: она бы жила на его

⁶ Там же, с. 76.

⁷ Там же, с. 86.

¹ Они предназначались, по-видимому, для задумывавшейся в это время «Записной книги» (проброобраз будущего «Дневника писателя»).

руках, и он бы чувствовал, что она бы жила (хотя бы счастья только себе). Расходятся из эгоизма направления, в безмолвном и гордом страданье. Бессмысленные романтики — да им всех хочется, так и прите за всех на крест, и то счастье.

Что останется после их счастья? Есть, жиреть и в карты играть. <...> Но может ли эта ничтожность их намерений быть счастливыми мешать? Их счастье помешает. Но намерение... нет, не должно. Немецкий это расчет, а не гуманный. Да даже и расчет на их стороне. Ведь работает же Лилинька, работает же и он, — ну, работайте вместе» (20, 195).

Произвольно прочитанное имя героини сочинения — «Лилинька» позволило комментаторам первой публикации записи предположить, что речь идет о романе Н. С. Лескова «Некуда», «<...> героиня которого Лиза Бахарева и Райнер, любящие друг друга, гибнут из-за приверженности к новым идеям, так и не соединив свои судьбы.»² Это предположение позволило, в свою очередь, критику Л. Аннинскому сделать уже далеко идущие выводы. «Если так, — пишет он, — то в русской прозе 1864 года нет другой Лизаньки, разошедшейся с любимым человеком „из эгоизма направления“, кроме Лизы Бахарева, расстающейся с Вильгельмом-Робертом Райнером. Выходит, можно было читать лесковский роман и так — со всей силой доверчивого сопереживания. Но — только для „потаспной“ тетради.»³ Но оказывается, в «русской прозе 1864 года» есть именно «Лилинька», и является она героиней отредактированного Достоевским и напечатанного им же в № 8 «Эпохи» за 1864 г. рассказа А. В. Корвин-Круковской «Соц». В письме (подлинник его не сохранился), содержание которого с буквальной точностью передаст сестра молодого автора С. В. Ковалевская, Достоевский писал А. В. Корвин-Круковской, вскоре ставшей его певичей: «Милостивая государыня Анна Васильевна! <...> я начал читать (рассказ — Т. О.) не без тайного страха <...>. Но, по мере того, как я читал, страх мой рассеялся, и я все более и более поддавался под обаяние той юной неопосредственности, той искренности и теплоты чувства, которыми проникнут ваш рассказ <...> рассказ ваш будет мною (и с большим удовольствием) напечатан в будущем же № моего журнала...»⁴ Письмо это было написано в конце августа — начале сентября 1864 г., к этому же времени относится и комментируемая запись (№ 8 «Эпохи» вышел в свет лишь 27 октября 1864 г.). Сюжет рассказа таков: Лилинька, дочь бедного учителя-немца,⁵ зарабатывает на жизнь шитьем белья на дому. Став однажды нечаянной свидетельницей похорои незнакомого бедного студента и узнав, что он умер одиноким и беспомощным, она задумывается о необходимости помогать друг другу. Однажды ей

² Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 276.

³ Аннинский Л. Лесковское ожерелье. М., 1982, с. 23.

⁴ Ковалевская С. В. Воспоминания; Повести, М., 1974, с. 63.

⁵ Ср. в записи Достоевского: «Немецкий это расчет...»